Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. — В единении сила!

ГОЛОС ТРУДА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Ю. АМЕРИКИ.

"GOLOS TRUDA"
Organo de la Federación Obrera Rusa Sud-Americana

Год 11-ый. | BUENOS AIRES, 1.° DE OCTUBRE DE 1928 | Dirección: CORREO CENTRAL, CASILLA 1752 | № 290

ТОЛСТОЙ—АНАРХИСТ.

Каждая эпоха человеческой истории имеет своего гения, свою нравственную и общественную совесть, который показывает людям все зло царящее на земле, доказывает им необходимость переоценки всех человеческих ценностей, так же как и необходимость искания и творчества нового и лучшего человеческого будущего. Таким добрым гением человечества, в нашу эпоху, был Толстой. Нет ни одной страны в мире где бы имя Толстого не было известно, где бы кто нибудь не нес в душе какой нибудь идеи Толстого. „Влияние Толстого — говорит Кропоткин — не может измеряться годами или десятилетиями: оно будет сильно на многие годы. Также невозможно ограничить его влияние одной страной. Его произведения читаются в миллионах экземпляров, на всех языках; апелируют к совести мужчин и женщин всех классов и всех наций, и всюду дают одни и те же результаты. В последние годы его жизни, Толстой был человеком наиболее любимым, наиболее трогательно любимым, во всем мире".

Но в то время, когда многие знают Толстого как гениального писателя и мыслителя, как анархиста его знают мало, а многие знающие его как такового, имеют об его идеях самое неправильное и часто, даже, извращенное представление. И в то время, когда для одних он — **религиозный** христианин, для других он — полный отрицатель и извратитель, как религии вообще, так и учения христа.

Но идеи Толстого не только — оригинальны, но еще и интересны, как по своему содержанию, так и по своему стремлению сделать их понятными и доступными для всех людей, без различия пола, расы, положения, возраста и состояния.

Толстой отрицает все **религии церковные, все ритуалы и символы веры.** Но из всех религий, он берет то основное, которое — обще всем и, по его пониманию, отвечает как современному состоянию прогресса человечества, так и стремлению всех лучших мыслителей, во все времена и во все эпохи; „не делай другому того чего не желаешь чтобы другие делали тебе", есть основа всего его учения.

"Если бы вся эта история и ветхого и нового завета — утверждает Толстой — преподавалась, как сказка, то и тогда едва ли какой либо воспитатель решился бы рассказывать ее детям или взрослым людям, которых он желал бы просветить". „Говорят о вредных книгах! Но есть ли в христианском мире книга, наделавшая больше вреда людям, чем эта ужасная книга, называемая священной историей ветхого и новаго завета?".

„Я убедился — говорит Толстой в своем „Ответе синоду" — что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианнского учения.

„И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим блиским, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым".

"....Я отвергаю непонятную троицу; не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о боге, родившемся от девы, искупляющем род человеческий..." „Все таинства считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством..." „В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман..." „В елеосвящении так же, как и в миропомазании, вижу приемы грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей и как во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми наполнен требник. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа..." Ибо "не в этих волхвованиях, не в молебствиях, обеднях, свечах, иконах, — учение Христа, а в том чтобы люди любили друг друга, платили добром за зло, не судили, не убивали друг друга."

„Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю **как Дух, как Любовь, как начало всего.** Верю в то что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении **человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться,** — считаю величайшим кощунством... Верю в то, что смысл жизни каждого человека, поэтому, только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу... и вместе с тем более всего содействует установлению в мире царства Божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собой."

„Я не верю, — говорит Толстой — чтобы моя вера была одна несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой — более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца, **если я узнаю такую, я сейчас же приму ее...**

„Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил Христианство более своей церкви, **теперь же люблю истину более всего на свете."**

Вот в синтезе понятия Толстого о религии, церкви и христианстве, исходя из которых, он и создал свою систему переустройства человеческой и общественной жизни.

„Жизнь человеческая — говорит Толстой — есть ряд поступков от вставанья до постели; каждый день человек должен не переставая, выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он сделает.. без руководства в выборе своих поступков человек не может жить." А единственным руководителем для человека может быть его разум. „Если нет высшего разума — а его нет, и ничто доказать его не может — то разум есть творец жизни для меня".

„Прежде говорили: не рассуждай, а верь тому, что мы предписываем. Разум обманет тебя. Вера только откроет тебе истинное благо жизни. И человек старался верить и верил; но сношения с людьми показали ему, что другие люди верят в совершенно другое и утверждают что это другое дает большее благо человеку. Стало неизбежно решить вопрес о том, какая — из многих вер вернее; а решать только может разум." И приходит к выводу что,**только сам человек** может и должен разрешить все вопросы жизни, как общемирового так и социального и личного характера.

„Государство есть господство злых" — говорит Толстой. И „уничтожение организации правительств, учрежденных для произведения насилия над людьми, никак не влечет за собою уничтожения того, что есть разумного и хорошего... Напротив отсутствие грубой власти правительств, имеющих целью поддержать только себя, будет содействовать более разумной и справедливой общественной организации, не нуждающейся в насилии."

„В последнее время... утверждается, что отношения людей в обществе сложились и складываются на основании экономических условий. Но такое утверждение есть только подстановка, вместо очевидной и ясной причины явления, одного из его последствий. Причина тех или иных экономических условий всегда была и не может быть ни в чем ином, как только в насилии одних людей над другими; **экономические условия суть последствия насилия** и потому никак не могут быть причиной отношений между людьми." Поэтому „бедствия... от которых страдают народы, остались совершенно те же как при конституционных, монархических, так и при республиканских правительствах с референдумами и без них." „Власть как была так и осталась властью немногих худших над большинством лучших людей."

Но уничтожить власть человека над человеком насилием — вещь невозможная. „Власть одного человека над другим — говорит Толстой в „О русской революции"—основанная на насилии, в источнике своем есть зло, и поэтому никакое устройство, удерживающее право насилия человека над человеком, не может сделать того, чтобы зло перестало быть злом..." „Единственное средство избавления от насилия только в неучастии в нем".

„Люди чувствуют, что бедственность их положения происходит от насилия, смутно сознают что для того, чтобы им освободиться от своих бед, им нужна свобода, но удивительное дело — для того, чтобы избавиться от насилия и приобрести свободу, ищут, и употребляют, и придумывают самые разнообразные средства: бунты, перемену властителей, переустройство правлений, всякого рода конституции, установления новых отношений между государствами, колониальную политику, организацию пролетариата, тресты, социалистическое устройство, все, но только не то одно, что проще и легче всего и наверное избавляет их от всех бедствий: прекращение повиновения власти." Ибо „для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самым людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей."

„...Люди,—большинство народа, весь рабочий народ — воздерживаются от преступлений и живут доброй жизнью не от того, что есть полиция, войско, казни, а от того что существует, общее большинству людей, нравственное сознание, установляемое общим религиозным понимаем людей и основанное на этом понимании воспитанием, обычаями, общественным мнением." Поэтому „нет никакой причины думать, что возвращение людей **к безвластию и земледельческой жизни** уничтожит **все** успехи промышленности, действительно полезные людям и не требующие рабства людей... Напротив уничтожение всего, поддерживаемого насилием, выдвинет и вызовет **усиленное** производство всех тех **полезных и нужных технических усовершенствований,** которые, не обращая людей в машины и не губя их жизни, могут облегчить труд и украсить жизнь земледельцев. Причем „...условия, в которые станут между собою люди..., формы в которые сложится общество людей, зависят **только** от внутренних свойств людей, а никак не от предвидения людьми той или иной формы жизни, в которую им желательно сложиться." „И для того чтобы жизнь была такой, не нужно представлять себе людей какими то новыми существами — добродетельными ангелами. Люди будут точно такие же, как теперь, со всеми свойственными их слабостями и страстями, будут и грешить, будут, может быть, и ссориться, и прелюбодействовать, и отнимать имущество, и даже убивать, но все это будет **исключением, а не правилом** как теперь. Жизнь их будет совсем другою уже по одному тому, что они не будут признавать добром и необходимым условием жизни организованное насилие, не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела."

Причем Толстой не отрицал революцию вообще, а только революции насильственные. „Всякая революция — говорит Толстой — есть всегда изменение отношения народа к власти..." „И потому, для того, чтобы нам знать, как именно мы можем и должны изменить свое отношение к власти необходимо понять сущность власти, в чем она состоит, как она возникла и какое наилучшее отношение к ней". Причем уничтожить власть силой — по мнению Толстого, это только поставить на место одной власти другую. Что же необходимо это **„не повиноваться никакой власти"** и не употреблять насилие ни в какой форме. „Убийство королей... ужасны не по своей жестокости. Дела, совершаемые по распоряжениям королей и императоров... без сравнения более жестоки, чем убийства совершаемые анархистами. Ужасны эти убийства и не по своей незаслуженности. И „королям и императорам, не только нельзя возмущаться на такие убийства... но должно удивляться, как так редки такие убийства после того постоянного и всеобщего примера убийства, который они подают людям". Но такие убийства хотя и понятны, но не могут все таки привести к желанным результатам. „А надо раз'яснять им (государям, императорам, президентам), что они сами убийцы и, главное, не позволять им убивать людей, отказываться убивать по их приказанию."

Также люди не должны более „ожидать, что **кто то** придет и поможет им: Христос на облаках с трубным гласом, или исторический закон диференциации и интеграции сил. **Никто** не поможет им, коли **сами себе** не помогут.

„Мне рассказывали случай — пишет он в „Царство Божие" — происшедший с храбрым становым, который приехал в деревню, где бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, который взялся усмирять бунт в духе Николая I-го, один своим личным влиянием. Он велел привезти несколько возов розог, и, собрав всех мужиков в ригу, с ними вместе вошел туда, заперся и так напугал сначала мужиков своим криком, что они, повинуясь ему, стали по его приказанию сечь друг друга. И так они секли друг друга до тех пор, пока не нашелся один дурачек, который не дался сам и закричал товарищам, чтобы они не секли друг друга. Только тогда прекратилось сеченье, и становой убежал из риги. Вот этому-то совету дурачка и должны бы последовать люди нашего времени."

Вот каковы были взгляды Толстого-анархиста на жизнь, религию, общество и людей и вот каковы были его идеи, которые он нес, как светлый и яркий факел, к людям. Идеи Толстого не — сегодняшнего дня, они — идеи будущего. Но анархизм Толстого есть тот великий и светлый идеал, который как яркий маяк указывает пловцам на бурном море путь к лучшему и более счастливому человеческому будущему.

Гораздо лучше ничего не делать, чем делать ничего.

П. КРОПОТКИН

ТОЛСТОЙ.

(Отрывок из лекции)

Если Толстой принял христианство за основу своей жизни, то не потому что считал его божественным откровением, а потому что это учение, очищенное от всех наслоений, которые ему прибавили церкви, содержит „то же разрешение проблемы жизни, которое, с большей или меньшей ясностью, было проповедуемо лучшими людьми, как до, так и после, возвещения нам Евангелия, — от Моисея, Исаиа, Конфуция, древних греков, Буды и Сократа, до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех других, известных или неизвестных, которые, не принимая никакой доктрины на веру, нас учили и нам говорили серьезно о значении жизни." Эта доктрина „дает об'яснение значения жизни" и „разрешение противоречия между стремлением к благосостоянию и жизни и сознанием его недостижимости"; „между желанием счастья и жизни с одной стороны и яснейшего сознания несчастия и смерти с другой."

Говоря о Боге, он принимает часто точку зрения пантеистическую и говорит о Боге, как **жизни**, или **любви**, или **как идеале**, который человек чувствует в себе. („Мысли о Боге"). Но в его последнем произведении („Христианское учение"), он предпочитает представить Бога „как мировое стремление к счастью, который есть источник жизни". Таким образом, следует что, согласно Христианскому учению, Бог есть та сущность жизни, которую человек чувствует в себе, так же как и во всем мире, как желание счастья; и эта сущность есть в то же самое время причина благодаря которой она остается заложенной в жизни индивидуальной и моральной.

Центральный пункт христианского учения, Толстой видит в непротивлении. В течение первых годов, которые следовали за кризисом, он проповедывал абсолютное "непротивление злу", в полном согласии с дословным и определенным значением евангельских слов, которые, взятые в связи с притчей о правой и левой щеке, означают полное смирение и покорность. Все таки Толстой должен был понять, очень скоро, что такое учение не соответствовало его вышеуказанному пониманию о Боге, а содержало в себе потворство злу. Что оно содержит ту же терпимость ко злу, которую всегда проповедывали официальные церкви в интересах господствующих классов, и Толстой должен был понять это скоро. В одном из своих последних призведений, он описывает как на одной станции железной дороги он встретил Тульского губернатора, во главе отряда солдат, вооруженных ружьями и с целым вагоном прутьев. Они ехали сечь крестьян одной деревни, чтобы провести приказ изданный правительством в пользу помещиков и который был в полном противоречии с законами. С его хорошо известной художественной силой, описывает Толстой как некая „либеральная дама" осуждала громко и сильными словами губернатора и офицеров, и как эти последние смеялись с нее. Описывает потом что обыкновенно бывает с экспедициями такого рода: как крестьяне, с настоящим христианским смирением, перекрестившись дрожащими руками, ложатся на землю, чтобы их мучили и секли до тех пор, пока сердце жертвы переставало биться, без того чтобы офицера были тронуты этим христианским смирением. Что Толстой сделал, когда встретился с этой „экспедицией", этого мы не знаем: этого он нам не говорит. Вероятно он сделал выговор губернатору и офицерам и посоветовал солдатам не подчиняться, т. е. возмутиться. Как бы там ни было, он должен был почувствовать, что пассивное поведение перед этим злом— непротивление ему — означало бы прямое оправдание такового. Еще больше, пассивное действие смирения, в присутствии такого зла, так противоречило натуре Толстого, что он не мог продолжать быть долгое время приверженцем такого учения, и очень скоро он изменил интерпретацию евангельского текста в смысле „не противься злу насилием". Все его последующие писания суть, следовательно, страстное **противление** против всех форм зла с которыми он сталкивается в мире. Его мощный голос звучал беспрестанно как против зла, так и против тех, кто его совершали; он был против употребления физической силы в противлении злу, потому что считал что это приносило новое зло.

Другие четыре пункта христианского учения — по Толстому понятно — суть: не злись, или, по крайней мере, воздерживайся от злобы по мере возможности; будь верен женщине с которой ты живешь, и избегай всего того, что может возбуждать страсть; не давай обета, что по Толстому означает: не связывай своих рук клятвой, клятва есть средство которым пользуются правительства чтобы заставить людей, по совести, подчиняться их приказам; и, наконец, люби ближнего как самого себя, или как Толстой это выразил во многих своих трудах: не суди никого и не преследуй никого по суду.

Этим четырем нормам поведения дает Толстой обширнейшую интерпретацию и из них делает вывод всего учения о свободном коммунизме. С большим количеством аргументов он доказывает что жизнь от труда других, не зарабатывая на свое собственное существование, значит нарушить самый важный закон природы; это нарушение есть главная причина всех социальных зол, как и всех личных несчастий и неудобств. Показывает как современная капиталистическая организация труда не — лучше древнего рабства и крепостничества.

И с таким же решительным протестом с каким Толстой выступил против Церкви, он поднялся так же и против Государства. Советует людям не поддерживать сношений с Государством. Это — единственное реальное средство чтобы положить конец рабству нашего времени, которое было навязано институтом Государства человеку. И, наконец, доказывает рядом богатых примеров, в котором отражается полностью его художественная сила, что стремление к богатству состоятельных классов, — стремление, которое не имеет и не может иметь границ — это то что поддерживает условия жизни и все предрасудки и учения, которые распространяют Церковь и Государство, в интересах правящих классов.

Чем больше изучал Толстой учения различных религиозных основоположников и философов морали, тем больше старался определить и установить **элементы универсальной религии**, которая могла бы об'единить всех людей, религию свободную от сверх'естественных элементов, которая не содержала бы ничего что знание и разум могли бы отвергнуть, а могла бы служить моральным руководителем для всех людей, какова бы ни была степень их умственного развития.

Только время покажет будет ли иметь успех эта его попытка дать людям универсальную религию, которая согласно его мнению, могла бы быть принята разумом и наукой и превратилась бы в руководство моральной жизни человека, облегчая, в то же самое время, разрешение великой социальной проблемы и всех вопросов, связанных с нею. Но, абсолютно — верно, что ни один человек, после Руссо, так глубоко не встряхнул совесть человеческую, как это сделал Толстой своими нравственными писаниями. Без всякой боязни он раскрыл моральную сторону всех кипучих вопросов дня, сделал это в такой потрясающей форме, что всякий, кто читал его произведения, не сможет уже забыть, или отложить в сторону эти проблемы; все чувствуют, что одним или другим образом, необходимо найти какое нибудь решение. Поэтому влияние Толстого не может измеряться годами, или десятилетиями: оно будет сильно многие годы. Также невозможно ограничить его влияние одной страной. Его произведения читаются в миллионах экземпляров, на всех языках; апелируют к совести мужчин и женщин всех классов и всех наций, и всюду дают одни и те же результаты. В последние годы жизни, Толстой был человеком наиболее любимым, наиболее трогательно любимым, во всем мире.

Большинство читателей должны еще помнить сенсацию которую произвело во всем цивилизованном мире, в ноябре 1910, известие, что Толстой оставил тайно свой дом, отправившись неизвестно куда. Втечение двух или трех дней неизвестно было местонахождение великого писателя, потому что его дочь Александра и его врач Маковецкий были единственные лица, которые знали секрет его ухода. Предполагалось что он присоединился к маленькой коммунистической колонии на Кавказе, где несколько образованных человек осели, чтобы работать на земле, когда получилось известие что Толстой заболел в пути и находится в постели, с сильным воспалением легких, в домике начальника станции Астапово, маленькой местности в центральной России, Там собрались его немногие интимные друзья, которые старались чтобы его последние моменты не были использованы православной церковью, которая его отлучила за его воззрения на христианство. Болезнь прогрессировала быстро и несколько дней спустя, Толстой тихо скончался. Тысячи людей, из классов образованных, крестьяне, студенты и рабочие, прибыли со всех концов на железно - дорожную, близлежащую к Ясной Поляне, станцию, чтобы на руках понести прах „великого писателя земли русской" к месту, где он хотел чтобы его похоронили. Это место, засека в его имении, где он и его брат закопали, в детстве, магическую палочку на которой были написаны некоторые слова, способные сделать счастливыми всех людей.

(с испанского А. Г.)

МЫСЛИ ТОЛСТОГО

Нельзя приводить существующий порядок в оправдание своих поступков. Существующий порядок не есть что-либо постоянное; он подлежит постоянному изменению, переходу от худшего к лучшему. И переход этот может совершиться только благодаря нашему недовольству, несогласию с существующим устройством.

Все великие перемены в жизни одного человека или всего человечества начинаются и совершаются только в мысли. Для того, чтобы могла произойти перемена чувств и поступков, должна произойти прежде всего перемена мысли. Для того же, чтобы могла произойти перемена мысли, человеку необходимо остановиться и обратить внимание на то, что ему нужно понять.

Свобода достигается не исканием свободы, а исканием истины. Свобода не цель, а последствие.

Мы жалеем о потерянном кошельке с деньгами, но добрую мысль, которая пришла нам, или которую мы услыхали или прочли, — мысль, которая, если бы мы запомнили ее, приложили к жизни, могла бы сделать много добра, — мы теряем, забывая, и не жалеем о том, что дороже миллионов.

ТОЛСТОЙ

„НЕ УБИЙ"

По поводу убийства короля Гумберта.

Не убий (Исход XX, 13).

Ученик не бывает выше своего учителя, но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его (Лк. VI, 40).

...Ибо все, взявшие меч, мечом погибнут (Мѳ. XXVI, 52).

И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними Мѳ. VII, 12

Когда повсюду казнят королей, как Карла I, Людовика XVI, Максимилиана Мексиканскаго, или в дворцовых революциях убивают их, как Петра III, Павла и разных султанов, шахов и богдыханов, то об этом обыкновенно молчат; но когда убивают их без суда и без дворцовых революций, как Генриха IV, Александра II, императрицу австрийскую, шаха персидскаго и теперь Гумберта, то такия убийства возбуждают среди королей и императоров и их приближенных величайшее удивленное негодование, точно как будто эти люди не принимали участия в убийствах, не пользовались ими, не предписывали их. А между тем самые добрые из убитых королей, как Александр II или Гумберт, были виновниками, участниками и сообщниками, — не говоря уже о домашних казнях, — убийства десятков тысяч людей, погибших на полях сражений; не добрые же короли и императоры были виновниками сотен тысяч, миллионов убийств.

Учение Христа отменяет закон: око за око и зуб за зуб, но те люди, которые не только всегда держались, но и теперь держатся этого закона, и в ужасающих размерах, в наказаниях и на войнах, применяют его и, кроме того, не только око за око, но без всякаго вызова предписывают убивать тысячи, как они это делают, об'являя войны, не имеют права возмущаться на применение к ним этого закона в такой малой и ничтожной степени, что едва ли придется один убитый король или император на сто тысяч, а, может быть, и миллион убитых и убиваемых по распоряжениям и с согласия королей и императоров. Королям и императорам не только нельзя возмущаться на такия убийства, как Александра II или Гумберта, но должно удивляться, как так редки такия убийства после того постояннаго и всеобщаго примера убийства, который они подают людям.

Люди толпы так загипнотизированы, что видят и не понимают значения того, что постоянно совершается перед ними. Они видят постоянную заботу королей, императоров, президентов о дисциплинированном войске, видят те смотры, парады, маневры, которые они делают, которыми хвастаются друг перед другом, и с увлечением бегают смотреть на то, как их братья, наряженные в дурацкия, пестрыя, блестящия одежды, под звуки барабанов и труб превращаются в машины и, по крику одного человека, делают все в раз одно и то же движение и не понимают того, что это значит; но ведь значение этого учения очень просто и ясно: это не что иное, как приготовление к убийству.

Это — одурение людей для того, чтобы сделать их орудиями убийства. И делают это, и заведуют этим, и гордятся этим только короли, императоры, президенты. И они - то, специально занятые убийством, сделавшие себе профессию из убийства, всегда носящие военные мундиры и орудия убийства — шпаги на боку, ужасаются и возмущаются, когда убивают одного из них.

Убийства королей, как и последнее убийство Гумберта, ужасны не по своей жестокости. Дела, совершаемыя по распоряжениям королей и императоров, — не только прошедшаго, как варфоломеевская ночь, избиения за веру, ужасныя усмирения крестьянских бунтов, версальския бойни, — но и теперешния правительственныя казни, замаривания в одиночных тюрьмах, дисциплинарных батальонах, вешания, отрубания голов, разстреливания и побоища на войнах, — без сравнения более жестоки, чем убийства совершаемыя анархистами. Ужасны эти убийства и не по своей незаслуженности. Если Александр II и Гумберт не заслуживали убийства, то еще менее заслуживали его тысячи русских, погибших под Плевной, и итальянцев, гибших в Абиссинии. Ужасны такия убийства, не по жестокости и незаслуженности, а по неразумию тех, кто их совершает.

Если убийцы королей делают это под влиянием личнаго чувства негодования, вызваннаго страданиями порабощеннаго народа, виновниками которых им представляется Александр, Карно, Гумберт, или из личнаго чувства мести,—то, как ни безнравственны такие поступки, они понятны: но каким образом организация людей, — анархистов, как говорят теперь, — выславшая Бресси и угрожающая другому императору, ничего лучшаго не может придумать для улучшения положения людей, как убийство тех людей, уничтожение которых настолько же может быть полезно, насколько отрезание головы у того сказочнаго чудовища, у которого на место отрезанной головы тотчас же вырастает новая? Короли и императоры давно уже устроили для себя такой порядок, как в магазинных ружьях: как только выскочит одна пуля, — другая мгновенно становится на ея место. Король умер, да здравствует король! Так зачем же убивать их?

Только при самом поверхностном взгляде убийство этих людей может представляться средством спасения от угнетения народа и войн, губящих жизни человеческия.

Стоит только вспомнить о том, что такия же угнетения и такия же войны происходили всегда, независимо от того, кто стоял во главе правительств: Николай или Александр, Фридрих или Вильгельм, Наполеон или Людовик, Пальмерстон или Гладстон, Мак Кинлей или другой кто, — для того, чтобы понять, что не какие - либо определенные люди причиняют эти угнетения и войны, от которых страдают народы. Бедствия людей происходят не от отдельных лиц, а от такого устройства общества, при котором все люди так связаны между собою, что все находятся во власти нескольких людей, или, чаще, одного человека, который или которые так развращены этим своим противоестественным положением над судьбою и жизнью миллионов людей, что всегда находятся в болезненном состоянии, всегда в большей или меньшей степени одержимы манией величия, которая незаметна в них только вследствие их исключительнаго положения.

Не говоря уже о том, что люди эти с перваго детства и до могилы окружены самой безумной роскошью и всегда сопутствующей им атмосферой лжи и подобострастия; все воспитание их, все занятия, все сосредоточено на одном: на изучении прежних убийств, наилучших

(на 5-ой стр.)

А. АБУТКОВ.

ОТРЫВКИ.

Из воспоминаний о Л. Н. Толстом.

Давным-давно, будучи еще учеником С—кой классической гимназии я получил от одной знакомой моих родителей дамы запечатанный сверток для передачи директору гимназии, как выразилась она, „в собственныя руки“.

Через несколько дней, после окончания классов, директор позвал меня в свой кабинет и вручил мне обратно завернутый в газету и крепко перевязанный бечевкою сверток, приказав мне немедленно же отнести последний на дом той дамы и поблагодарить ее за одолжение свертка.

Меня крайне заинтересовало, что такое могло находиться в свертке. Очевидно, нечто интересное, чего я не должен был знать, потому что как пославшая сверток дама, так и возвращавший его директор гимназии строго приказывали ни в каком случае не развязывать свертка. Я не мог побороть любопытства, зашел в общественный сад, отыскал уединенную скамейку в одной из отдаленных аллей и, развязав сверток, принялся за чтение находившейся в нем рукописи. Это было „Послесловие к Крейцеровой Сонате“ Л. Н. Толстого. Разумеется, статья оказалась недоступной моему пониманию, ибо я был еще слишком молод, что бы разобраться в мыслях, которыя высказывал в ней автор. К тому же самой то „Крейцеровой Сонаты“ я не читал, и это еще более затрудняло понимание послесловия. Тем не менее чтение доставило мне некоторое удовольствие: я почувствовал инстинктивно, что автор высказывает правду, которую по каким-то соображениям не позволяется знать детям. Завязавши сверток, я отнес его по-принадлежности и, возвратившись домой, спросил у отца, нет ли у него каких-нибудь сочинений Толстого. Отец ответил отрицательно и строгим тоном прибавил, что мне еще рано читать такого рода книги и что было-бы гораздо лучше побольше заниматься уроками, чем чтением книг, предназначенных для взрослых.

Как известно „запрещенный плод всегда кажется вкусным“. Сочинения Л. Н. Толстого были для меня таким запрещенным плодом. Украдкой от родителей я достал в общественной библиотеке некоторыя из произведений названнаго автора и принялся за их чтение. Ни „Война и Мир“, ни „Анна Каренина“ не произвели на меня впечатления: мальчик не в состоянии оценить этих романов по их достоинству. Но за то народные разсказы, как, например, „Не в силе Бог, а в правде“, „Чем люди живы“, „Где любовь там и Бог“ и др. очаровали меня. Я перечитывал их по несколько раз. С тех пор Лев Толстой сделался моим любимым автором. Родившийся и выросший в деревне я понимал и любовь Толстого к простому народу, и его призывы к земельному труду, и советы „опростать“ жизнь, и взгляды на социальныя несправедливости...

* * *

Вторая половина девяностых годов прошлого столетия. Зимний морозный день в Москве. Солнце светит ярко, но не греет. Снег блестит на солнце золотыми искрами и, скованный двадцатиградусным морозом, скрипит под ногами торопливо проходящих пешеходов и жалобно пищит под полозьями извозчичьих саней. Улица довольно пустынна, ибо публика без крайней необходимости не выходит из тепло натопленных квартир. Я ожидаю конки, быстро похаживая с одного места на другое, чтоб не отморозить ног. С большим бы удовольствием и я остался дома, но, будучи бедным студентом должен бегать по грошовым урокам, чтоб добывать средства к существованию. Наконец появился давно ожидаемый мною вагон конно-железной дороги. Я вхожу и занимаю единственное свободное место. Внутренность вагона наполнена синеватым туманом от массы паров исходящих от дыхания пассажиров. Но вот вагон останавливается, отворяется дверь и входит еще один пассажир: высокий, довольно коренастый мужик, одетый в тулуп, меховую шапку, с палкой в руках. Его не особенно длинная, жидкая, почти совсем уже седая борода и нависшия над глазами густыя брови покрыты инеем от мороза.

Вновь вошедший пассажир не имел места чтоб сесть на лавку, а потому встал между двух скамеек, опираясь на свою толстую палку, чтоб сохранять равновесие при толчках вагона. Приученный с детства относиться почтительно к лицам старшим меня, а тем более к пожилым, я встал и сказал: „Будьте любезны, садитесь на мое место!“ — „Очень вам благодарен, молодой человек,“ ответил он и занял мое место. Я же встал около него и принялся разсматривать черты его лица. В моей памяти запечатлелся широкий нос, лоб с глубокими морщинами, пышныя седыя брови и глубоко сидящие под ними серые, живые глаза. Я обратил внимание, что сидящая на скамейках публика очень заинтересовалась этим новым пассажиром, так как почти все взоры от времени до времени обращались на него и многие из пассажиров начали о чем-то перешептываться между собою.

Вскоре вагон остановился на раз'езде. Пассажир в полушубке встал, чтоб выйти, взялся за ручку двери; но раньше чем он ее открыл, вся публика, словно заранее сговорившись, встала и сняла шапки чтоб приветствовать уходившаго. Этот последний, в свою очередь, приподнял свою шапку и, вежливо поклонившись всем, вышел из вагона. Тогда я обратился к одному из пассажиров с вопросом о том, кто был тот человек, которому все оказали такое внимание. — „Это Лев Толстой, писатель“,— сказал мне пассажир. Тут только я сообразил, что черты лица Толстого были мне хорошо знакомы по тем портретам, которыя встречал я в разных журналах, на выставках в витринах книжных лавок и т.п.

Я готов был разрыдаться от досады, что будучи так близко от великаго человека, котораго я любил всеми силами своей юношеской, восторженной натуры, не воспользовался случаем попросить у него разрешения посетить его, чтоб поговорить о многих мучавших меня вопросах. Впрочем судьба была благосклонна ко мне, и вскоре я имел случай снова видеть Толстого и лично говорить с ним.

* * *

Произошло это несколько дней спустя после описанной выше встречи. От одного знакомаго мне семейства я узнал адрес Л. Н. Толстого и решил немедленно же отправиться к нему. Мне говорили, что добиться свидания с великим писателем не легко, потому что, во-первых, он очень занят литературными работами, а, во-вторых, так много желающих видеть его, что нет возможности принять их всех. Тем не менее я безповоротно решил попытать счастье

Справившись по плану Москвы, по какой конке нужно ехать и купивши в одном из книжных магазинов фотографию Толстого, я отправился в путь. Нечего и говорить о том, что все время я находился в сильном волнении, которое не оставляло меня до самаго момента, когда я уже был во дворе небольшого деревяннаго дома графов Толстых в Хамовническом переулке и взялся за ручку звонка. Помню, что в эту минуту я сделался совершенно спокойным.

Дверь отворилась и, без всякаго волнения, я сказал лакею, одетому во фрак, что желал-бы видеть Л. Н. Толстого. От этого лакея я узнал, что в эти часы (было часа 3-и по-полудни) Л. Н. никого не принимает. — „Если вам очень нужно видеть графа, зайдите другой раз попозже... Как доложить о вас?“ — Я назвал свою фамилию и направился было к выходу со двора. В это время из двери вышел какой то господин (кто был он — я до сего времени не знаю). Повидимому лицо мое выражало много горя, потому что вышедший из дома посетитель очень участливо разспросил меня, зачем я здесь, и, узнав в чем дело, посоветовал мне зайти сегодня же вечером, иначе я могу не добиться свидания с Толстым, так-как на-днях он должен уехать из Москвы. Я последовал совету незнакомца, и после восьми часов вечера состоялось событие, которое я считаю одним из знаменательных в моей жизни.

Толстой не только принял меня, но и отнесся весьма снисходительно к моему желанию побеседовать с ним на волновавшия меня темы о смысле жизни, религии и искусстве. Прежде чем я успел об'яснить цель моего посещения, Л. Н. сказал мне: „Я помню вас: на-днях вы уступили мне место в вагоне конки. Если я вам нужен, могу уделить вам немного времени“ Из разговора, длившагося минут 20-25, выяснилось, что на большинство из вопросов, за разрешением которых я обратился к Л. Н-чу, уже были даны совершенно ясные и определенные ответы в произведениях его, которых я не читал, так как не знал об их существовании. (Произведения эти были запрещены цензурой и потому не были мне известны). Тем не менее Л. Н. охотно разрешил волновавшия меня сомнения, и я с благоговением внимал, стараясь не упустить ни одного слова великаго человека. Не хочу воспроизводить нашей беседы, боясь исказить слова Л. Н-ча (Подлинная запись их, равно как и портрет с автографом, сделанным на нем по моей просьбе Л. Николаевичем, были отобраны у меня большевиками при обыске в 1919 году.)

Проходя через столовую я имел удовольствие познакомиться с многими членами семьи Л. Н-ча.

Он жил особняком от них, в верхнем этаже, в двух небльших комнатках более чем скромно обставленных. Лев Николаевич был одет в темносинюю рубаху навыпуск, подпоясан ремешком, в широких брюках и в самодельных сапогах с широкими почти угловатыми носками.

Помню, что в первый момент мной овладел какой-то страх перед высокой, коренастой фигурой Толстого, но страх этот тотчас же прошел как только я услышал первые, приведенныя выше слова великаго человека. Я возвращался домой, не чувствуя ног под собою от испытываемой радости, с находящимся в боковом кармане портретом, на котором „он, собственноручно“ написал свое имя и фамилию, и повторяя чуть не вслух последния, сказанныя им слова: „Старайтесь делать то, что позволяют ваши силы. Если потребуются мои советы, напишите. Буду рад быть вам полезным“.

* * *

Встает перед мною другая картина. Деревня средней черноземной полосы России. Ряды крестьянских изб с соломенными или деревянными тесовыми крышами. Как красива местность, окружающая эту деревню! Небольшие холмы и длинная полоса векового леса на горизонте. На одном из холмов расположена старинная барская усадьба с примыкающими к ней парком и садами. А вот ворота, ведущия в сад. По обеим сторонам их стоят толстыя, кирпичныя, не высокия башенки, выкрашенныя в белый цвет. От этих ворот идет длинная березовая аллея, в конце которой находится белый двух-этажный дом с колоннами. Это — поместье Льва Николаевича Толстого, называющаяся „Ясной Поляной“ и известная чуть ли не всему миру. Всякий хоть раз побывавший здесь летом знает ту привлекательную картину, которую представляет из себя Яснополянская усадьба, утопающая в густой зелени старинных лип, берез и фруктовых деревьев. Если, при этом, посетитель отдает себе отчет, что здесь родился, жил и создал большинство из своих гениальных творений один из величайших русских людей, гордость не только нашей родины, но и всего человества, впечатление от созерцания картины достигает степени какого-то восторженно-радостнаго чувства. Я испытал его и многие из бывших в Ясной Поляне говорили мне, приблизительно, то же самое.

Когда я впервые предпринял путешествие в Ясную Поляну и прибыл на станцию Московско-Курской жел. дороги, Козловку-Засеку, от которой усадьба Л. Н-ча отстоит в трех верстах, я испытывал такое же настроение, которое испытывают религиозные люди, отправляющиеся на поклонение какой-либо святыне. Но какую перемену нашел я в обитателе Ясной Поляны! Он постарел и, по его словам, стал часто прихварывать. На голове и в бороде прибавилось много седины, в глазах появился какой-то, словно мутный налет, характерный признак глубокой старости. Но тем не менее глаза эти зажигались особенным огнем, когда речь заходила о событиях или книгах, затрагивающих мировоззрение Льва Николаевича.

Как и раньше он жил почти изолированно от семьи. В нижнем этаже была комнатка, служившая чем-то в роде приемной для посетителей. В верхнем же этаже Л. Н. занимал три или четыре скромно обставленных комнаты: простыя стулья, маленький диван и стол, накрытый деревенской скатертью. Но что значит обстановка для посетителя, цель котораго — видеть великаго человека, услышать от него слова утешения и поддержки?! Без преувеличения можно сказать, что в Ясную Поляну, как в древности к Христу, приходили „труждающиеся и обремененные“ и получали утешение и успокоение, вразумление и советы, оставившие след на всю дальнейшую жизнь... По крайней мере именно так я должен сказать про себя...

* * *

Последний раз мне пришлось быть в Ясной Поляне в 1916 году: я хотел поклониться могиле „великаго писателя земли русской“. Могила эта находится в разстоянии, приблизительно, одной версты от усадьбы Л. Н. Толстого, на краю оврага, называющагося „Старым Заказом“. Погребение состоялось именно здесь по желанию самого Льва Николаевича, который очень любил это место по воспоминаниям детства (он, вместе с своими братьями, будучи детьми, верили, что там зарыта „зеленая палочка“ на которой будто бы написана тайна о том, как следует жить чтоб все люди были счастливы, никогда не ссорились и не сердились).

Грустное чувство вызывает эта одинокая могила под тенью старых дубов, тихо покачивающих свои темно-зеленыя вершины и словно таинственно шепчущих о величии духа, прах котораго покоится здесь, под землею.

Вокруг могилы устроена решетка. Она вся исцарапана многочисленными надписями посетителей, приходивших из разных стран, чтоб поклониться могиле едва-ли не самаго популярнаго писателя и мыслителя своего времени.

Да будет легка тебе земля, великий учитель и продолжатель начатой Христом проповеди взаимной любви, братства и всепрощения!

Алексей Абутков.

ЛУИДЖИ ФАББРИ.

Что такое Анархия?

Анархия, все это знают, есть слово, которое по своей греческой этимологии имеет значение: безвластие. Назывались анархическими, в древние времена, промежутки времени между исчезновением одной власти и образованием власти новой.

И так как, с древнейших времен и до сорок-пятьдесят лет тому назад никто, или почти никто, не воображал что может быть возможно и желательно жить без всякаго правительства, и почти все боялись этого, потому что думали, что без правительства общество превратится в хаос самый ужасный, фигурально употребляли слово „анархия“, чтобы обозначать безпорядок, замешательство и т. д.

В прошедшие века, время от времени, какой нибудь отдельный мыслитель намекал туманно что может быть люди были бы лучше без правителей. Философы греческие, китайские, арабские приходили к таким заключениям. Легенда, воспеваемая древними латинскими поэтами о золотом веке, когда люди жили свободными и без законов, ни хозяев, есть указание, что душа человеческая всегда стремилась к наибольшей свободе и видела идеал, хотя и считало его недосягаемым, в свободе и равенстве.

Но, тогда, дело шло об искусственных басиях на религиозной основе, о поэтах или об отвлеченных понятиях, далеких, как и первые, от реальной жизни.

Тенденции же анархические проявились много позже, через столетия, в наиболее революционные периоды истории, например: между христианскими еретиками, между утопистами эпохи Возрождения, между крайними левыми Реформации, между меньшинством наиболее радикальным Французской революции и т. д. Вообще же, когда мыслители и поэты хотели представить себе общество совершенное или стремящееся к совершенству, не могли представить его себе иначе, как без хозяев и без правителей.

Эти идеи и тенденции, очень туманные и неточные и смешанные часто с нечеловеческими экстраоригинальностями (как коммунизм женщин например), до первой половины прошлого столетия считались фантазиями мечтателей, неосуществимыми парадоксами, мечтами. Немного раньше в пылу Французской революции, некоторые начали разрабатывать идею что прогресс состоит в постепенном из'ятии авторитета из человеческих взаимоотношений и что цель к которой нужно стремиться есть общество людей свободных и без правителей. Но английский мыслитель Годвин был первый, кто разработал ясно и систематически эту идею (в 1793 году).

В течении пятидесяти лет, после этого, анархическая идея себе пробивала каждый раз более широкие пути, но все еще не под этим точным именем, но в ее значении, которая последовательно конкретировалась и принимала более определенные формы.

Особенно же Фурье (в 1829 году), который развил идею что человек не может совершенствоваться как только в полном и наиболее свободном развитии его способностей, без внешних принуждений. Но свою зрелость анархическая мысль достигла, превратившись в программу социальной революции, с Прудоном — *отцом анархии*, как его называл Кропоткин во время процесса 1882 года в Лионе. Прудон был первый, который принял слово анархия как выражение своей мысли (в 1840 г).

Внутри Первого *Интернационала Трудящихся* анархическая идея, из абстрактной и полемической концепции мыслителей, превратилась в прогрмму действия

социальной эмансипации и возрождения целой видной части трудящихся масс.

Революции 1848 и 1871 годов были, в некоторой степени, экспериментами, при помощи которых многие трудящиеся констатировали что авторитарные средства отдаляют, вместо того чтобы приблизить, желанную цель равенства и свободы, которую хотели достигнуть. С Бакуниным и его друзьями, особенно во время авторитарного течения представленного в Интернационале Карлом Марксом, анархизм уже стал не только неясным стремлением к будущему социальному устройству, но также методом борьбы, руководством, движением, можно сказать, *анархической концепцией революции и социализма* (в 1872 году).

Когда Бакунин умер в 1876 году, Федерации Интернационала, наиболее анархически ориентированные (испанская, бельгийская, юрская, итальянская), продолжали обработку идеи анархизма на конгрессах и в прессе, пока в 1877 итальянская и в 1880 юрская Федерация пришли к коммунистической формулировке анархизма (Малатеста, Кафиеро, Реклю, Кропоткин, Грав и другие).

Прекратив, около 1882 г., свое существование последние из оставшихся секций первого Интернационала, анархическое движение продолжало свое развитие и свой путь автономно, т. е. отдельно и независимо от всех других движений и партий.

⁂

Анархия — чтобы понять ее хорошо — должна быть рассматриваема в ее двух неразделимых видах: 1-ое как тенденция и движение; 2-ое как программа будущего действия.

Как тенденция духовная и полной свободы личности и народов, лучше сказать, — к их все большему и большему освобождению от внешних связей и хозяйских и государственных насильственных принуждений, — как тенденция, которая в политической и социальной плоскостях сводится к постоянному возмущению против всех насилий и тираний, в завоевывании все большей и большей независимости индивидуальной и коллективной, — анархия представляет собой бесконечный прогресс к моральному и материальному человеческому улучшению, и которая в действительности и есть самый важный фактор этого прогресса.

На всех поприщах эта тенденция проявляется, часто не отдавая себе в этом отчета, ни называя себя анархической. Часто действует также среди других партий как двигательный элемент, без того чтобы они это замечали, и против их собственного желания.

На религиозном и моральном поприщах, она есть восстание против старых предрассудков, которые заменяют веру и сверх-естественное и в загробную жизнь, верой в человеческую волю и в ее способность реализовать на земле свое желание справедливости. Насильственной дисциплине, навязанной попами и жандармами противопоставляет дисциплину *добровольную и свободную*, которая вытекает из внутреннего чувства долга, действительного понимания собственного интереса и из чувства социальной солидарности.

На политическом поприще, личности и коллективы стремятся жить и организовать свою собственную жизнь независимо от государства, исключая какое бы то ни было вмешательство его и борясь против всех его претензий.

На поприще экономическом трудящиеся стараются эмансипироваться (освободиться) от наемного рабства, от позорной нужды, которая их принуждает работать на других и давать себя эксплуатировать, или умереть с голоду.

Все эти тенденции, бессознательные и рассеянные понемногу на всех поприщах и во всех социальных движениях, — в анархическом движении, как таковом, организуются с полным сознанием о себе, сливаются и дополняют друг друга.

Анархия, следовательно, есть сумма всех этих тенденций к свободе в религии, в морали, в политике, в экономике, в науке и в школе, как и в мастерской и на площади; в эволюции, как и в революции. Анархизм составляет, таким образом, движение органическое в его сущности, независимое от всех других, но которое в социальной жизни принимает участие во всех борьбах, хотя их и начинали бы другие, но которые отвечают одной или другой из его стремлений и которые в своих методах не противоречат его целям.

Не стремясь к достижению собственных материальных целей, личных или партийных, анархист не страдает ревностью: он оправдывает и помогает всякой борьбе за свободу, от какой бы партии оно ни исходило. И, наоборот, не имея никаких связей, ни политического родства или интересов ни с какой партией, борется бовпощадно против всех партий и всех движений, когда те ставят препятствия или противопоставляют свои методы и цели, методам и целям свободническим. Анархист может, например, братски об'единиться на баррикадах с республиканцем, социалистом или коммунистом, во время борьбы против власти или капитализма, но подымется с оружием в руках, против всякого из них, который превратится или собирается превратиться в властителя или эксплуататора.

Принимая во внимание эту концепцию (понимание) борьбы и движения, анархисты не печалятся поражениями, потому что до дня полной победы, всегда будут считать себя пораженными, хотя другие, менее требовательные, поют вокруг них победные гимны. Они знают заранее что до дня победы, они будут вынуждены постоянно начинать снова свое тканье. Они прогрессируют, да, но их прогресс незаметен, потому что будучи частичен, служит для других, а не им, и другие могут безнаказанно узурпировать (использовать, приписать себе) заслугу. Но какая важность! Прогресс из за этого не перестает совершаться.

Анархизм оказывает, прямо или косвенно свою роль двигателя или воспитателя, не отказываясь от повседневной борьбы, не уклоняясь от малых конфликтов, под предлогом сохранить себя для конечной борьбы. Не подчиняет свою революционную активность догматическим предрассудкам, ни заранее поставленным условиям, помимо, единственного, что чтобы активность не противоречила его цели.

Анархисты не ожидают гипотетической зрелости времени или эволюции чтобы действовать, потому что знают, что именно действие — это то что лучше всего делает зрелым эволюцию и время. Также не ожидают того, чтобы все люди были воспитанными, чтобы выкинуть знамя свободы, потому что знают что свобода лучшая воспитательница свободных людей, и что без свободы, независимость духа может быть не больше как привиллегией немногих.

⁂

Не пренебрегая воспитанием и стараясь получить при ее посредстве наивозможнейшее, при этом строе, поднятие морального уровня, чтобы, по крайней мере, меньшинство из революционеров, из угнетенных и эксплуатируемых стало достойно лучших судеб и приобрела большую силу и достоинство чтобы победить, не нужно забывать что самое большое препятствие к поднятию других и их духовному улучшению, находится в самом режиме. Поэтому анархизм ставит своей задачей, прежде всего, разбить вдребезги твердую броню экономических и политических привиллегий, чтобы открыть большинству дорогу к новым экспериментам и сделать возможным для всех воспитание свободы.

И именно здесь выявляется цель которую анархисты, сознающие чего они хотят, дают своему специфическому движению. Без этой определенной цели, к которой хотят прийти, тенденции и движение, которые я выше указывал, скоро распадутся, чтобы разделяться до бесконечности и мало по мало исчезнуть, и быть поглощенными другими движениями, лучше организованными.

Первая организация, в области идей и пропаганды, которая дает силу движению и его поддерживает сравнительно об'единенно, есть его программа будущего: идеал, который хотят реализовать как можно скорее.

В свою очередь этот идеал был бы бесплодным, если бы выявлялся через движение однородное и тесно связанное с ним, если бы не интерпретировал тенденций и стремлений уже живых в душе человеческой. Теперь же, идеал который интерпретирует человеческие и народные стремления к свободе и к человеческой справедливости, идеал который есть логическое устремление всего движения, стремящегося освободить человека, одновременно, и от рабства экономического и политического, есть *анархический коммунизм*.

Анархисты хотят пропагандой, движением и собственной активностью — будь это в нормальные времена эволюции, более или менее мирной, будь это в течении предполагаемой революции, более или менее кровавой, — поощрять и развивать тенденции к свободе и равенству, борясь против противных этому тенденций, сил и институций, чтобы добиться установления такой социальной организации в которой бы отсутствовало какое бы то ни было насильственное и авторитарное принуждение человека человеком и, следовательно, отсутствовала бы всякая эксплуатация.

Такое общество, без власти и без капитализма, не будет уже подразделено на классы или касты привиллегированных, с одной стороны, и лишенных всего, с другой стороны, т. е. богатых и бедных, начальников и подчиненных, собственников и пролетариев, эксплуататоров и трудящихся. А будет составлено из свободных ассоциаций, в которых все люди будут трудящимися, имеющими одни и те же права и одни и те же обязанности, — кооперируя в производстве общественных богатств по своим силам и желанию, и пользуясь из богатств, таким образом произведенных, по своим потребностям, в границах установленных материальными возможностями и условиями и на основании социальных договоров свободно заключенных и принятых.

Такая социальная организация, основанная на добровольном соглашении, на взаимопомощи и на свободной кооперации, и будет анархией.

Теперь, когда коммунизм проповедуется (каким он был в 1848, когда был опубликован знаменитый *манифест* Маркса и Энгельса) также авторитарной школой социализма, которая не принимает во внимание человеческой необходимости в свободе, и строит себе иллюзии, что можно прийти к равенству, принуждая к этому людей силой и доверив его принужденную активность диктаторскому правительству, — хорошо определить точно, что с этим, так называемым, коммунизмом, анархисты ничего общего не имеют.

Анархисты видят, в социализации собственности и в ее организации и коммунистическом ведении в экономической области, наилучшее средство чтобы производить больше с наименьшей затратой сил, и чтобы обеспечить максимум свободы всем и каждому в отдельности, потому что никогда не сможет считать себя свободным тот, кто не сможет удовлетворить, в пределах возможного, все свои потребности материальные и духовные; но анархисты не хотят *навязать силой эту систему*, ни чтобы другие ее навязали им. Проведение в жизнь этой системы они подчиняют убеждению и принятию ее всеми теми которые должны будут проводить ее в жизнь и жить в ней.

Анархисты не считают возможным коммунизм *навязанный сверху*, — коммунизм государственный; и если бы даже и было возможно, не хотели бы его, ни подчинялись бы ему.

Капитализм и Государство, правда, не смогут быть уничтожены как только силой, — при помощи революции. Но *сила, или насилие, — могут разрушить, но не создать*; могут быть, следовательно, полезны чтобы снести институты, которые мы называем вредными и победить насилие которое противится носителям новшества. Но когда вопрос идет о создании нового здания, кирка — вещь лишняя.

Для социального переустройства, анархисты имеют собственную программу о которой мы говорили выше, но для проведения в жизнь которой, они верят только в самих себя и в тех кто с ними сочувствуют; и чтобы добиться согласия других рассчитывают только на пропаганду, убеждение и свободный опыт; т. е. на влияние примера, который хотят дать, организуя социалистически и свободнически свои общежития. Если революция найдет или создаст широкий круг, сочувствующий проведению в жизнь анархии, — хорошо; в противном случае анархисты не будут претендовать навязать другим свой режим, а ограничатся добытием для себя самых свободы там и как они смогут, — в областях, в коммунах, в кооперациях, институциях и группировках разного рода, где они будут иметься в достаточном количестве, чтобы осуществлят свободный коммунизм. При условии, понятно, заключения братских соглашений с другими коллективами, чтобы при помощи взаимных договоров удовлетворять высшие общие интересы, взаимообмен продуктами и возможную необходимость защищать революцию.

Ассоциация для жизни и борьбы будет продолжать быть законом жизни, будь это внутри каждой коммуны, будь это между различными коммунами самыми разнообразными и отдаленными, с развитиями и темпераментами которые материальный и моральный прогресс создадут. Также как личность не может достигнуть своей самой широкой свободы, как только посредством человеческой солидарности, — без солидарности человек был бы все еще дикарем в пещерах, рабом стихий и своего невежества и своей дикости — так же не может быть действительной солидарности как только между людьми свободными.

И в самом деле, организация принудительная есть та, которая, в настоящее время, при помощи политических и экономических бесчеловечных связей, поддерживает общество, недостойное этого название; но не об'единяет сердца людей, которые ищут и понимают себя взаимно независимо от него, и встречая в обществе самое большое препятствие к этому. Отсутствие свободы мешает солидарности.

Солидарность и свобода суть, следовательно, неразделимы в понятии и практике человеческого общества, действительно об'единенного и братского. По тем же соображениям и таким же образом неразделимы, будучи одно дополнением другого, коммунизм и анархия, которые в практической области социального переустройства, соответствуют двум принципам: человеческой и социальной солидарности и индивидуальной и коллективной свободе.

⁂

Это понимают под *анархией*, в своем громадном большинстве, чтобы не сказать почти все те, кто, во всех странах, во всех частях света, заявляют себя *анархистами* и борятся, в различнейших областях мысли и действия, под этим именем, против всякой формы тирании духовной, экономической и политической в защиту всех угнетенных и всех свобод и, особенно, вместе с пролетарским классом к которому большинство из них принадлежит.

Они приняли это имя анархистов, так поносимое в течение веков, частично как вызов старому миру и старым предрассудкам, частично потому что синтезирует, самым ясным и характерным образом, их идеал свободы и их горячее желание всемирного освобождения от всех оков экономических и политических.

Этот идеал и это желание кажутся сейчас побежденными и задушенными, заносчивым всемогуществом Привиллегий, — победителем текущего часа. Но он горит огнем более живым и более сильным в груди верных ему и заставляет биться более сильно сердца их и шевелиться мозги. Побуждает волю меньшинства, каждый раз все большего, все более сильного и все более сознательного, чтобы снесть загорожи в которых затворили человечество в аду подчиненности и горя.

Когда ядро убежденных и добровольцев очистят пути будущего от препятствий, которые их заполняют, народы снова двинутся в путь.

И только тогда, наконец, люди, свободные, будут действительными хозяевами своей судьбы.

Луиджи Фаббри.

(С испанского А. Г.)

Толстой.

Мир — большой цирк в котором борятся идеи и инстинкты, ворочаются или подымаются завиваясь злобы и надежды. Мы — скалы или топоры, клещи или крюки. Вдруг появляется он, и мы чувствуем, что мы что-то другое: что мы — души. Его присутствие онемевает языки и обезоруживает руки, которые, свободные и нежные, ищут друг друга, чтобы возвещать его: Старик, Старик!

Одну минуту раньше, артист считал себя богом, рабочий революционер — сатаной, философ — маяком, преступник — пропастью, а мы анархисты всем этим, и еще больше. Тщеславные, фаталистичные или печальные, каждый думал, что он выполняет важное или страшное назначение. Но, появляется он, и мы забываем, хотт на момент, нашу работу и себя самых. Мы понимаем что все это было игрой; что мы — дети, и что мир это — классный двор. Старик, Старик!

Толстой был этим Стариком так же для Анатоля Франса трех культур, как и для невинного и простого мужика; равно для отважного Малатесты, как и для терроризированного царя российского. Для всех он был Старик. Старик для Синода, который его отлучил и Старик для Горького, который из Ясной Поляны делал сигналы, зовя людей: „Приходите видеть существо наиболее прекрасное, какое существует на земле: Старика Толстого!"

Кто же был, этот Старик, перед которым склонялись тишина и крик; при одном только воспоминании о котором расцветал приветливостью злодей, и утопал под тяжестью своих грехов, святой?.. Гений, или бог?... Человек, несчастный человек, который знал секрет всех и который, появляясь, нам напоминал об этом. И поэтому было бесполезно чтобы он нас называл братьями; тот кто знает столько о нас, не может быть чем нибудь другим как Стариком, Стариком!

Был одиноким на земле; был также более велик чем толстовство. Он был Толстой. И это было его трагедией, и от этого он умер: от человеческого одиночества.

Будучи ребенком, он закопал в Ясной Поляне палочку на которой было вырезано слово, которое сделает счастливыми всех. На этом самом месте похоронен теперь он. Будем верить что он не умер, что он пошел искать эту палочку, и что не умрем мы раньше, чем он вернется и нам скажет как быть счастливыми. Чтобы в наших жизнях стволов или топоров, всегда дышало детское сердце. Старик, Старик!

РОДОЛЬФО ГОНЗАЛЕС ПАЧЕКО.

Твердо знайте и глубоко чувствуйте, что вы должны каждый день вашей жизни посвящать благу других, делая для них все, что можете. Делая, а не болтая.

—::—

Будем смотреть прежде всего на то, что может соединить людей, а не на то, что раз'единяет их!

РУДОЛЬФ РОКЕР

ТОЛСТОЙ.

Лица, воспитанные на понятиях и идеях жизни Западной Европы, с трудом могут об'яснить себе религиозную эволюцию, которую пережил Толстой в период между 1875—1880, также как его восхваление христианского учения. А все таки этот эволюционный процесс был логичен для такой натуры как Толстой. После того как он пришел к заключению что только в массе можно найти идеальные стремления, было вполне ясно что он постарается углубиться в жизнь русского труженика. Таким образом, он узнал ближе многочисленные религиозные и христианские секты русских крестьян, врагов официальной Церкви и от которой они терпели безпрерывные преследования. Нет в Западной Европе другой страны, в которой религиозное сектантство было бы более развито чем в России, стране где оно имеет сильное влияние на народную психологию. Это курьезное явление не было еще хорошо об'яснено, а все таки в прошедшие эпохи были в Европе аналогичные движения: существование тысяч антиклерикальных сект, которые по своему об'ясняли христианство и проповедывали равенство всех людей. Великие народные движения гусситов и анабаптистов, которые были начинателями грандиозной социальной революции; революции, которая смогла быть задушена благодаря всеобщему об'единению христианских королей, дворянства и католической и протестанской Церквей; движение вызванное Виклифом в Англии; все это — стремления, которые развились среди народа в России. Сектантство отрицает официальное христианство, учение и власть Церкви. Многие из сектантов думают найти весь идеал христианского учения в коммунистических общинах первых христиан. Отрицают власть человека над человеком и признают за основу действительно христианской морали солидарность и взаимную помощь.

Толстой, как русский, видно подпал под влияние этих глубоких духовных стремлений народа; чувствовал инстинктивно что это было поле на котором мог работать и посеять самые дорогие его сердцу убеждения. Это было поле, которое оплодотворило дух русского художника и мыслителя, и который понес его плоды во все страны и ко всем народам. Для Толстого религия есть внутренний долг видеть в каждом ближнем друга и брата. Отрицает *все внешние церковные обряды и сводит* свой христианизм к следующему выражению: „Люби ближнего как самого себя". Поэтому видит в Христе величайшую идеальную фигуру, какое имело человечество. Не Иисуса Церковного, сына Божьего, он любит, а Иисуса человека, мученика, который умер за свою идею. Хорошо знал Толстой что Иисус может быть велик только как человек; как Бог, он ни — мученик, ни — страдалец, ни — гонимый, потому что невозможно чтобы он был преследуем как Бог.

Исходя из этого, Толстой развил последовательный анархизм. Враг Церкви, он также — враг всякой политической организации, основанной на силе и принуждении. Осуждает Государство во всех его формах и видит в каждом правительственном учреждении монополизацию преступления. Патриотизм, национализм, расовая ненависть, политика, дипломатия, милитаризм, война, закон, суть не больше как отдельные ветви от дерева греха. Толстой отрицал всякий человеческий закон и признает что только развитие внутреннего существа создает реальные условия для братской жизни. Ясно, что он — враг монополии на собственность, и так же как анабаптисты и другие религиозные секты средних веков, проповедывал коммунизм земли. Земля принадлежит всем людям, и кто захватывает ее есть преступник. Экономический идеал Толстого есть аграрно-анархический коммунизм. Не многие писатели осуждали так строго учреждения современного общества, как это сделал Толстой, не многие доказали так ясно что прогресс нашей, так называемой, цивилизации в действительности есть процесс физической и моральной дегенерации. Безудержная погоня за утонченными удовольствиями, безпорядочная роскошь правящих классов и телесная и духовная нищета в больших цивилизованных городах, где человек отдален от Природы, суть ужасные признаки этой дегенерации. Как Жан Жак Руссо 150 лет тому назад, Толстой бросил клич: Обратно к природе, к матери земле! Чем более просто и скромно живет человек, чем теснее его связи с себе подобными, чем чище его чувства, тем больше его внутреннее удовлетворение!

Толстой не — реформатор, он не принадлежит к тем, которые хотят лечить зло маленькими улучшениями. Его учение — направлено против основ современного общества; он борется против сути, а не формы нашей, так называемой, цивилизации. Он стремится реорганизовать общество и человеческую жизнь на новых основах, и отбрасывает всякие компромиссы. В этом смысле Ясно - Полянский философ — настоящий революционер.

Отрицая все виды насилия, Толстой осуждает так же насилие как средство борьбы против зла. Предпочтительнее страдать от несправедливых, прежде чем *стать самому несправедливым*, таков — его девиз. Против зла нужно бороться не насилием, а силой убеждений. Чистый идеал может быть реализован только чистыми средствами.

Мы понимаем эту точку зрения; еще больше: мы добавляем, что революционер-террорист, без сомнения, не есть идеальный тип будущего; но и его мы понимаем, потому что мы убеждены, что великая несправедливость не может пасть без сильных взрывов и что должна умереть от своего же оружия. Там где человек стонет, страдает и умирает под проклятием дикой системы, насильственный протест есть не больше как логическое и неизбежное последствие этой системы. Это-то, чему нас учит история всех великих народных революций.

Но признаем также, с полным убеждением, великое значение моральной силы, которая выражается в разных актах, как того требует Толстой. Моральный **бойкот** против Государства, отказ от военной службы, суть, вне сомнений, тактические методы, которые взывают к самым возвышенным чувствам человека. Но нам недостает веры, чтобы думать, что только одни эти методы могут освободить человека от проклятия рабства.

Много — этих рек, которые вливаются в море, но, в конце концов, все они об'единяются для одной и той же цели. Так же различны — наши пути, но идеал, который привел русского Руссо к новой жизни есть тот же, который бросает свой свет в пропасть закабаленных человеческих созданий, которые стремятся к свободе, к счастью и к свету.

Толстой это — пророк, который провидел страну наших детей, прекрасный храм будущих поколений, — страну наших надежд, прекрасный предмет нашей тоски, которую мы приветствуем прекрасным словом: Анархия!

(с испанского А.)

Мир Божий.

Вы можете проявлять неуместную веселость, но... шапки я все таки попрошу вас снять: ведь в глубине подсознания моего погребен великий покойник — казненный разумом моим — бог мой.

„Погребение богов" гл. III ст. 13.
А. Консе

1.

Дух Святый в поднебесьи кружился
Обещая послушным рай,
А я взглянул, обозлился,
Сказал ему: играй,
Дури слепых, равнодушных,
Убогим и жалким лги!
В верченьи твоем мне душно,
В глазах сплошные круги!
Вот стою: худой, как палка,
С изорванной в клочья душой...
Видишь: я не твой,
Не хочу в свалке
Мировой.

2.

Ад сотворил ты... а зачем было нужно?!
Везде грешно и гадко!
Трясет прозелитов недужных
Покаянная лихорадка.
Вот поп твой, как тучная ворона в рясе,
Высиживает в церкви „Пасхальное яйцо",
А потом плюет человечьей расе
В опаленное болью и стыдом лицо.
И стада монахов в черных сутанах
(Укрыть бы им похоть во Бденьи хоть!)
О нечистых помыслах блеют упрямо
И всячески поносят человечью плоть.
О мир твой несчастный! мир твой, Боже!
Зачем ему „вечной мукой" грозить?!
Он и так, поднимая твой Крест Негожий,
Увяз по колена в крови и в грязи.
Он и так, стеная от яростной боли,
Под бессмысленным игом „Святого Креста",
Все же славит твою преступную волю
И мажет елеем свои уста.

3.

На улицах фонарики
Дьявольские строят рожи.
Сифилитики, рахитики, подагрики
Славословят „имя Божие".
И так жутко, так нудно,
Жалобней волчьего воя!
Сутенеры, убийцы, распутные...
Да что же это такое!?!
А вот жирная рожа
Кровопийцы-буржуя
Славит Господа тоже,
Поет: Аллилуия!
И с ним вместе нищий
Пищит,
Воет волком:
Господи! за что наказуешь!?
Не пойму толком!
Простирает худые руки,
Голодный, холодный,
Скривился от страшной муки
Т-о-ш-н-о-т-в-о-р-н-о!

4.

За что наказуешь!?!
Разве не вопль мировой?
Разве не он, тоскуя,
Землю заполнил собой?
Стонут бедняк и рабочий
И все прочие,
У кого голод большой:
Жажда хлеба,
Правды неба
И еще какой-то правды земной.

5.

Мне же хлеба немного нужно,
Правды неба не чаю я знать,
Уж давно средь кликуш слабодушных
Я учу, что бог, — это тать.
Что он обокрал бестыдно
Всех, пленившихся „райской весной",
Что верить в бога обидно,
А молиться ему смешно.
И злобно возвысив свой голос надменный,
Сегодня учу, как учил вчера,
Что бог по - хамски царит во вселенной,
Что свергнуть его давно пора.
Учу, чтоб кликуша, расслабленный верой,
Окрепнув от новых дерзаний и сил,
Покончил навеки с небесной химерой
Забыл бы у бога о мире просить.
Чтоб он, отрешенный от ада и рая,
Топтал бы покровы в божественной мгле,
И в ясном порыве, богов презирая,
Явил свою волю безбожной земле.

Май—Июнь 1928 г. **Анатоль Консе**

способов убийств в наше время, наилучших приготовлений к убийствам. С детских лет они учатся убийству во всех возможных формах, всегда носят при себе орудия убийства: сабли, шпаги, наряжаются в разные мундиры, делают парады, смотры, маневры, ездят друг к другу, даря друг другу ордена, полки, и не только ни один человек не назовет им того, что они делают, настоящим именем, не скажет им, что заниматься приготовлениями к убийству отвратительно и преступно, но со всех сторон они слышат только одобрения, только восторги перед этой их деятельностью. За всяким их выездом, парадом, смотром бежит толпа людей и восторженно приветствует их, и им кажется, что это весь народ выражает одобрение их деятельности. Та часть прессы, которую одну они видят, и которая им кажется выражением чувств всего народа или лучших представителей его, самым раболепным образом возвеличивает все их слова и поступки, как бы глупы и злы они ни были. Приближенные мужчины, женщины, духовные, светские, — все люди, не дорожащие человеческим достоинством, стараясь перещеголять друг друга утонченной лестью, во всем потворствуют им и во всем обманывают их, не давая им возможности видеть настоящую жизнь. Люди эти могут прожить сто лет и никогда не увидать настоящаго свободнаго человека и никогда не услыхать правды. Ужасаешься иногда, слушая слова и видя поступки этих людей, но стоит только вдуматься в их положение, чтобы понять, что всякий человек на их месте поступал бы так же. Разумный человек, очутившийся на их месте, может сделать только один разумный поступок: уйти из этого положения; оставаясь же в их положении, всякий будет делать то же самое.

В самом деле, что должно сделаться в голове какого - нибудь Вильгельма германскаго, ограниченнаго, мало образованнаго, тщеславнаго человека с идеалом немецкаго юнкера, когда нет той глупости и гадости, которую бы он сказал, которая бы не встречена была восторженным ура! и, как нечто в высшей степени важное, ни комментировалось бы прессой всего мира. Он скажет, что солдаты должны убивать по его воле даже своих отцов — кричат ура! Он скажет, что евангелие надо вводить железным кулаком — ура! Он скажет, что в Китае войска должны не брать в плен, а всех убивать, и его не сажают в смирительный дом, а кричат ура и плывут в Китай исполнять его предписание. Или скромный по природе Николай II начинает свое царствование тем, что об'являет почтенным старикам на их желание обсуждать свои дела, что самоуправление есть безсмысленныя мечтания, и те органы печати, те люди, которых он видит, восхваляют его за это. Он предлагает детский, глупый и лживый проект всеобщаго мира, в то же время делает распоряжения об увеличении войск, и нет пределов восхвалению его мудрости и добродетели. Без всякой надобности, безсмысленно и безжалостно он оскорбляет и мучает целый народ — финляндцев, и опять слышит только одобрения. Устраивает, наконец, ужасную по своей несправедливости, жестокости и несообразности с проектом мира, китайскую бойню, и все, со всех сторон, восхваляют его в одно и то же время и за победы, и за продолжение мирной политики своего отца.

В самом деле, что должно делаться в головах и сердцах этих людей?

Так что виноваты в угнетениях народов и в убийствах на войнах не Александры и Гумберты, Вильгельмы, Николаи и Чемберлэны, руководящие этими угнетениями и войнами, а те, кто поставили и поддерживают их в положении властителей над жизнью людей. И потому не убивать надо Александров, Николаев, Вильгельмов, Гумбертов, а перестать поддерживать то устройство обществ, которое их производит. А поддерживает теперешнее устройство обществ — эгоизм и одурение людей, продающих свою свободу и честь за свои ничтожныя материальныя выгоды.

Люди, стоящие на низшей ступени лестницы, частью вследствие одурения патриотическим и ложно - религиозным воспитанием, частью личной выгоды, поступаются своей свободой и чувством человеческаго достоинства в пользу людей стоящих выше их и предлагающих им материальныя выгоды. В таком же положении находятся и люди, стоящие на несколько высшей ступени лестницы, и также вследствие одурения и преимущественно выгоды поступаются своей свободой и человеческим достоинством; то же и с стоящими еще выше, и так это идет до самых высших ступеней — до тех лиц, или до того одного лица, которое стоит на вершине конуса, и которому нечего приобретать, для котораго единственный мотив деятельности есть властолюбие и тщеславие и которое обыкновенно так развращено и одурено властью над жизнью людей и связанной с нею лестью и подобострастием окружающих его, что, не переставая делать зло, вполне уверено, что оно благодетельствует человечество.

Народы, сами жертвуя своим человеческим достоинствам для своих выгод, производят этих людей, которые не могут делать ничего другого, как то, что они делают, а потом сердятся на них за их глупые и злые поступки. Убивать этих людей — все равно, что избаловать детей, а потом сечь их.

Для того, чтобы не было угнетений народов и ненужных войн и чтобы никто не возмущался на тех, кто кажутся виновниками их, и не убивал их, — надо, казалось бы, очень мало, а именно только то, чтобы люди понимали вещи, как они есть, и называли их настоящими именами, знали бы, что войско есть орудие убийства и собирание и управление войском, — то самое, чем с такой самоуверенностью занимаются короли, императоры и президенты, — есть приготовление к убийству.

Только бы каждый король, император и президент понимал, что его должность заведывания войсками не есть почетная и важная обязанность, как внушают ему его льстецы, а скверное и постыдное дело приготовления к убийствам, — и каждый честный человек понимал бы, что уплата податей, на которыя нанимают и вооружают солдат, и тем более поступление в военную службу не есть безразличный поступок, а дурной, постыдный поступок, не только попущение, но участие в убийстве, — и сама собой уничтожилась бы та возмущающая нас власть императоров и королей, за которую теперь убивают их.

Так что не убивать надо Александров, Карно, Гумбертов и других, а надо раз'яснить им то, что они сами убийцы, и, главное, не позволять им убивать людей, отказываться убивать по их приказанию.

Если люди еще не поступают так, то происходит это только от того гипноза, в котором правительства из чувства самосохранения старательно держат их. А потому, содействовать тому, чтобы люди перестали убивать и королей, и друг друга, можно не убийствами — убийства, напротив, усиливают гипноз, — а пробуждением от него.

Это самое я и пытаюсь делать этой заметкой. 8 Августа 1900 года.

Насилие и Анархизм.

С тех пор, как существуют на земле эксплоатация человека человеком и человеческое рабство, существует и, так называемый, социальный вопрос и революционная и освободительная борьба; хотя и выявляясь, в разные эпохи, в разных формах и видах.

Во всех частях света и во все эпохи неравенства, видно это явление. Начиная с классической Греции и до современного и цивилизованного общества, от прославленного и деспотического Рима и до современной демократии, не трудно наблюдать эту борьбу.

Но как бы ошибочны они ни были и есть, эти революционные движения имели всегда одну и ту же цель: полную эмансипацию людей и уничтожение государственной власти и эксплоатации.

К несчастью, движения и возмущения имели, почти всегда, тот же конец и бывали осуждаемы на неудачу просто потому что им не хватало главного, чтобы повести борьбу к желанному концу, ибо хотя эти движения были за полное освобождение, — анархизм, на современном языке, **им не хватало ориентации и духа действительно анархического и творческого.**

Все борьбы, все движения, лишенные твердой и определенной ориентации, несли в себе зародыш зла, которое принесло столько вреда человечеству, т. е. авторитаризм, который неизбежно превращал всякую борьбу и всякое освободительное движение в реакционное и вел ее к полной неудаче. Самый лучший и всем известный пример, это — русская революция. Свободническая и эмансипаторская вначале, она, приняв авторитарное направление, не преминула превратиться в деспотическую и реакционную.

Принимая это во внимание, анархисты все время старались доказать человечеству что при помощи авторитаризма и власти невозможно добиться свободы, и предлагая новые методы соответствующие целям которые преследуются, т. е. борясь за общество в свободе, равенстве и братстве, отказываются от всех методов не находящихся в соответствии с этими целями.

Самый опасный метод, это — авторитаризм, который под разными видами и формами проникает и в наше движение, и который, хоть и скрыто, но дает себя чувствовать и даже проявляться, давая часто результаты антианархические. Одно из этих влияний авторитаризма, которое дает себя чувствовать и даже является грозной опасностью для анархизма есть **идея о насилии.**

Можно сказать, что самым спорным пунктом среди анархистов был и есть вопрос о насилии. И даже теперь, когда уже известны результаты практики насилия как метода, имеются анархисты не только приверженцы насилия как метода, но даже признают его необходимым орудием для достижения анархического идеала. Эти анархисты забывают, что это — закон природы: что что посеешь, то и пожнешь, и что посеяв крапиву, невозможно собрать пшеницу. И что то же происходит и с насилием. Будучи насилие средством, которое служит для удушения воли одних другими, чтобы подчинять их и обязывать их действовать против собственной воли, оно не может служить средством для эмансипации и свободы. Кропоткин когда то сказал: машина швейная не может служить для писания и что вещь, которая всегда служила только чтобы поддерживать рабство и помогать эксплуатации человека человеком, не может служить для освобождения и устройства новой лучшей жизни человеческой.

Это было подтверждено практикой больше одного раза, и поэтому анархисты ясно и определенно заявляют себя противниками всякой формы насилия и авторитаризма, считая их худшими врагами анархизма.

В нашей революционной борьбе, считаясь с тем что нам приходится бороться с силами хорошо организованными и которые пользуются любым доступным средством, мы прибегаем иногда и **к силе, как средству защиты, но никогда к насилию,** как говоорят многие.

Мы хотим и защищаем свободы и права, которые нам принадлежат как людям, но ни в коем случае не хотим отнимать их у других. И если мы боремся против буржуазии, то чтобы отобрать то, что у нас было отнято, но ни в коем случае занять места этой буржуазии и этих правителей, чтобы подчинить их; ибо этим путем никогда еще не было совершено никакого важного изменения в общежитии людском; и зло, худшее из зол, против которого мы продолжаем бороться — авторитаризм продолжает существовать.

Мы иногда вынуждены защищаться прибегая к силе, как защищается девушка против насильника, или кто нибудь от воров, но ни в коем случае не хотим превратиться ни в насильников, ни в воров.

В таком же положении как эта девушка — и насильник или эта — жертва и этот вор, находятся часто угнетенные с одной стороны и буржуазия и правители с другой. Они — воры и насильники, мы — жертвы; они хотят лишить нас того что нам принадлежит, мы защищаемся. **Они прибегают к насилию чтобы заставить нас действовать против нашей воли; мы же только прибегаем к помощи силы, и то иногда, чтобы защитить наши человеческие права.**

Насилие может служить средством для всех тех, кто стремится к власти, под каким бы то ни было именем, но ни в коем случае для тех, которые стремятся к обществу свободных и равных. И следовательно, ни в коем случае нельзя смешивать **невольное прибегание к защите силой, с насилием.**

Насилие есть средство реакционное, античеловеческое и антиобщественное и как таковое следовательно не может быть ни употребляемо анархистами, ни оправдываемо. **Сила же,** применяемая в случае неизбежной необходимости, ибо буржуазия и власть не откажутся добровольно от позиций, которые они занимают, может быть понятна анархисту и даже оправдываема им, но и то до тех пор пока она является неизбежным средством защиты, но никогда как средство насилия и принуждения.

С. Данев

Вынужденный ответ.

В № 37—38 „Дело Труда" от Июня—Июля 1928 г. появилась статья: „Ответ Исп. Ком. Рос. Раб. Орг. Юж. Америки" за подписью секретаря Федерации А. К. гр. Сев Америки и Канады.

Оставляя в стороне все оскорбления и выпады по адресу Исп. Комиссии Федерации, ответим только на то почему Исп. Комиссия, приветствуя возрождение **группового** анархического движения в Сев. Америке и Канаде сожалеет, „что оно приняло такие антианархические основы и формы".

В Августе 1927 года Исполнительная Комиссия Федерации Р. Р. О. Ю. Ам. получила письмо от группы „Дело Труда" в Париже, за подписью секретаря Аршинова и печатью, в котором говорилось дословно следующее:

„То что нам нужно это коллектив людей, знающих что они хотят, имеющих один идеал, идущих к одной цели ясно и твердо. **И такой коллектив может быть только партия анархо - коммунистов. В основу организации должна быть положена наша платформа.**

„Наши Сев. Американские товарищи вполне присоединились к нашему мнению. Реорганизация групп даже уже произошла и мы имеем там одну крепко спаянную организацию. Мы предлагаем также Вам, товарищи, присоединиться к нашему плану..." (смотри Голос Труда № 286 от Июня 1928 г. „Позиция Федерации.").

Исп. Ком., как и вся федерация (см. там же „резолюции"), стоит на точке зрения что как сама платформа, так и вся деятельность группы Дело Труда, носит характер противоанархический. Мы можем сожалеть, но можем понять, когда отдельные товарищи разочаровываются в анархизме, но не можем ни согласиться, ни допустить чтобы идея анархизма была извращаема и подменяема идеей революционного максимализма, что в своей сущности и преподносится группой „Дело Труда" в своей платформе и в своей пропаганде...

Так что, одно из двух: или действительно правда, что „Наши Сев. Американские товарищи присоединились к нашему мнению" и „Реорганизация групп уже произошла и мы имеем там одну крепко спаянную организацию", как писал секретарь группы „Д. Труда", и тогда, мы действительно „крайне сожалеем, что оно приняло такие антианархические основы и формы", или же мы были введены в заблуждение группой и секретарем Дело Труда, и тогда мы можем только сожалеть о возникших между нами недоразумениях.

Во всяком случае, Сев. Американские товарищи должны или подтвердить или опровергнуть **официальное** утверждение группы „Дело Труда" в письме к Исп. Ком. Фед. Р. Р. О. Ю. Ам., чтобы этим раз и навсегда выяснить свои позиции и свое положение в анархическом движении.

Исп. Ком. Федерации.

Переходные идеи.

Мы анархисты имеем идеи определенные. Мы идем до дна философии и идеалов. Нам кажется что это — единнственное достойное чтобы преподносить его людям.

Когда, в какой час, в каком месте, мы говорили о переходных идеях?.. Никогда, нигде! Лучше умереть или онемсть.

Борьба которая началась уже более полстолетия тому назад, была за полную анархию против всего Авторитета. Была определенная идея Бакунина, против переходной идеи Карла Маркса. Последний думал что Государство должно регулировать жизнь народа, первый провозгласил разнуздание страстей, без всякого другого тормоза как свободное соглашение. Это — философ против политика.

Борьба продолжается, и даже слепые видели результаты этого. Достаточно протянуть руку чтобы нащупать то, что раз'единяет и отталкивает анархистов и социалистов. Это — вещи фундаментальные, которые не сходятся как только для того чтобы сжигать и оплевывать друг друга. Дело идет о человеках и человечиках; о нулях прибавляемых ко всякому поднявшемуся смельчаку, и об единицах, номерах один, которые не признают ни богов, ни хозяев.

Анархисты — люди определившиеся. Присмотритесь к их делам, их жизням, их мыслям, и вы их увидите во всем прямыми, связными, округлившимися. Их средства суть их цели, и наоборот. Всю справедливость хотят они, всю свободу требуют, ни в какую грязь не вмешиваются!

Переходные идеи, для чего?.. Когда они думают что могут повести, в один раз, все свое к цели!.. Красные войска, для какой цели?.. Если они себя чувствуют сильнее и смелее всякого оружия!... Пролетарская диктатура, против кого?.. Если борьба идет социальная, против всяких привиллегий, без различий классов!..

Идеи определенные, да. Это ими выпрямилась совесть людей. Благодаря им, каждый день что нибудь пробуждается, имеется где нибудь заря возмущения. Благодаря им, мы стоим теперь, каждый из нас, больше чем батальон красных милицейских. Да здравствует анархический **коммунизм!**

Родольфо Гонзалес Пачеко

Рабочее движение.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА в РОЗАРИО.

Местными синдикатами присоединенными к Ф. О. Р. А. была об'явлена всеобщая забастовка в солидарность с рабочими элетрической компании города Розарио и окрестностей и с рабочими сахарного завода (Рефинерия Аргентина), которые продолжают бастовать уже довольно долгое время.

Причины послужившие поводом для забастовки, как в одном так и в другом предприятии,—невыполнение хозяевами, подписанных условий.

Как видно из буржуазно - либеральных газет, забастовка 21 Сентября не имела большого успеха. Автономные синдикаты и примыкающие к У. С. А. решили не присоединиться к этой забастовке. Также не был силен энтузиазм и у остальных рабочих к об'явленной забастовке. К тому еще Розарио опять входит в период междусобной борьбы рабочих. Начинается опять деление на фористов, усистов и автономных, у рабочих у которых, в действительности должна была бы быть одна общая цель: уничтожение капитала и власти. А ведь это печальное явление, которое временно было устранено в Роазрио и было секретом победы рабочих в Розарио.

АГИТАЦИЯ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ С. РАДОВИЦКОГО.

Комитетом агитации за освобождение С. Радовицкого в Розарио, совместно с представителями от Автономных Синдикатов, издан Манифест, которым призывают все рабочие Синдикаты Аргентины об'явить всеобщую забастовку 14-го Ноября, в день 9-й годовщины убийства Фалкона Т-щем С. Радовицким.

Цель забастовки — требование освобождения С. Радовицкого, томящегося 19 лет на Огненной Земле в Усуайской каторге.

Идея эта очень — хорошая, но к превеликому сожалению проведение ее в жизнь встретит сильный отпор в рядах некоторых сильных синдикатов, находящихся под духовным влиянием социал-реформистов, воздержание которых от выступления в момент всеобщей забастовки, умалит значение таковой. Но может быть на этот раз случится, как иногда уже случалось наблюдать, что через головы своих духовных вождей реформистов, массы присоединятся к об'явленной забастовке, и эта всеобщая забастовка явится действительным всеобщим протестом против власти и капитала и заставит правителей считаться с голосом трудящихся. Во всяком случае оно бы заставило их задуматься, и избавило бы Симона от тяжелого и варварского режима, на котором его держат его палачи.

ЗАКОН О ВОСМИ ЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ.

На заседании аргентинского парламента от 20 Сентября был принят закон о восмичасовом рабочем дне.

Как это ни—странно, а факт остается фактом, что то, что рабочие, путем прямой борьбы, через посредство своих классовых организаций — синдикатов, добились уже десятки лет тому назад, „народные" представители узаконили лишь на этой неделе; и за такие свои „заботы" о народном благосостоянии, эти господа депутаты получают по 1500 пез в месяц народных денег.

Скажут многие наивные рабочие, что наконец в Аргентине 12 или 10 часовый рабочий день перейдет в историю прошлого. Нет! Далеко не так. Этим же самым законом исключаются полевые рабочие, домашняя прислуга и многие другие рабочие и служащие, которые еще — благодаря своей неорганизованности, — не добились прямой борьбой установления восмичасового рабочего дня. Сам текст закона ясно говорит, что он только узаконивает те достижения, которыми давно пользуются большинство рабочих.

Те же рабочие, которые, еще работают больше 8-ми часов, благодаря их неорганизованности, будут работать и дальше, ибо всякий закон — мертвая буква, если он направлен против интересов буржуазии.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ.

Из Ганако Ф. К. О. Подписной лист в пользу „Голоса Труда .

Е. Тельпук 1.55; М. Адась 1.00; Р. Швачка 3.00; С. Бритковский 1.00; Л. Коробка 1.00; С. Симович 1.00; Ф. Томашевский 1.00; С. Симович 1.00; С. Синевич 2.00; Д. Слепченко 2.00.

Итого 14.55

Из Перу Ф. К. С. Добровольно жертвовали в пользу газеты Г. Т. след. лица:

С. Касперович 2.00; Т. Шпигель 3.10; Ф. Скежевский 0.50; Д. Иваныn 1.00 Ф. Дуда 1.00;

Итого 7.60.

Получено в пользу „Голоса Труда" из разных мест от следующих товарищей:

Михаил Савеня 10.00; Я. Бураков 18.50; Г. Ш. 3.00; П. Стефанишен 2.00; М. Ляпчук 2.00' С. Волховский 5.00; И. Петровский 10.00' Иван Колуп 10.00; Пашкевич 1.00; Е. Рудик 7.20; А. Макаровский 2.00; С. Цевух 5.00; Д. Я. Мороз 5 долл. из Канады; Д. С. 1 долл. из Питтсбурга и 1 долл. в пользу полит. заключенных в Сов. России; С. Медынич 1 долл. из Струерса; А. Тебиев 2 долл. из Сан Франциско.

Итого $ 75.70 и 10 долл.

ОТЧЕТЫ:

Отчет Кассы Союза Р. Р. в Розарио. от 3-го Июня по 30-го Июня 1928 года.

ПРИХОД:

Переходящая сумма — — — —	53.75
Членские взносы — — — — —	10.00
От спектакля 9 Июня — — —	293.90
Итого	357.65

РАСХОД:

За помещение Союза — — — —	17.50
Почтовые расходы — — — — —	3.00
Книга для кассы Союза — —	2.00
Блоки и конверты — — — —	1.20
Итого	23.70
В кассе на 1-го Июля 1928 г.	333.95

Ревиз. комиссия: **Иван Бохонюк Тимофей Суховирский, Иван Прокопов.**

ИЩУТ:

Ищу брата **Георгия Михайловича Гниповского,** Волынской губ., Кременецкого уезда, местечко Почаева, а также кого из односельчан знающих меня Елену Михайловну Гниповскую, по мужу Шурак. Отозваться по адресу:

Mrs. H. Shurak, 235 Druillard Rd. Ford City, Ontario, Canada.

—:—

К. Дерюгин ищет односельчанина **Алексея С. Лепеева,** Могилевской губ., Быховского уезда, Чигиринской вол. деревни Колбово. Знающих его, прошу сообщить по следующему адресу:

C. Derugin, calle Serrano 975 Buenos Aires.